

Иннокентий Иванов: «В Питере сложно быть оптимистом»

— Иннокентий, знаю, вы живете в Санкт-Петербурге, а в Москву приезжаете раз в месяц лишь на записи программы «Сферы». Несложно ли жить на две столицы?

— Мне это подходит. Питер хорош для личной жизни, а Москва хороша для работы. Поэтому приходится совмещать. Я всегда говорю: когда ты находишься в Москве и у тебя все очень плохо, то ты выходишь на улицу и понимаешь, что все будет хорошо. А в Питере наоборот: если в доме все хорошо, то ты выходишь на улицу и понимаешь — все будет очень плохо. А так как я пессимист, мне в Питере жить очень комфортно. Но работать лучше все же в Москве — здесь и динамичнее, и интереснее, и возможностей больше.

— Откуда же в вас, молодом и удачливом человеке, пессимизм?

— Я родился пессимистом. В Питере сложно быть оптимистом. Питер — серый город, мало солнца, все время ветер. Он настраивает на грустный, философский лад. К тому же практически вся русская классическая литература с ее героями вроде Раскольникова, Онегина, Акакия Акакиевича депрессивна, а ведь место действия большинства романов и повестей — Петербург. Да и когда оцениваешь происходящее, сложно быть оптимистом, тем более в России.

— Может, вы и пессимист, зато очень стильный пессимист: у вас холеная внешность денди, правильная речь, изысканные выражения и вкрадчивый голос. Словом, свой собственный стиль. Как вы пришли к нему?

— Я никогда специально не сидел и не работал над своим стилем. Это выработалось как-то в процессе. Я начинал в информационной службе, был новостным репортером. Потом я очень долго работал одновременно и корреспондентом, и ведущим новостей, пока не произошел конфликт в питерской редакции. И даже когда я работал ведущим в авторской программе, то все еще долгое время вел новости. Работа в новостях — это особый язык. А мне хотелось делать что-то другое, нежели просто информационные сюжеты. Может, поэтому у меня появился такой стиль изложения, где факты не просто сплетены

друг за дружку, а еще и словесным кружевом. Я понимаю, что на слух это, наверное, достаточно сложно воспринимать, и те сюжеты, которые мы делаем в программе «Сферы», легко бы читались. Мы, конечно же, стараемся что можем упростить. Телевидение — это такая вещь, где запрещены сложности. Программу ты не перечитаешь и не всегда пересмотришь.

— Интересно вас слушать. В жизни вы говорите очень быстро, а с экрана ваш голос звучит напевно, медленно.

— Я могу говорить по-разному: и быстро, и медленно. В разных проектах я не только говорю, но и выгляжу по-разному. Несколько лет назад мы снимали исторический цикл «Лики истории», так там приходилось наряжаться в персонажей из разных эпох. Даже в папу римского. Вот весело было! Журналистика — это не актерская профессия, но какие-то элементы актерства есть. Если бы я в жизни был такой, как на экране, это был бы просто ужас. Представьте, Нагиев или Парфенов будут разговаривать в жизни с таким напором или жестиком, как в эфире. Все мы нормальные люди, даже если на экране смотримся странно.

— Ваша программа познавательного порядка. Ее должен смотреть подготовленный зритель?

— Я вообще не понимаю, что такое подготовленный зритель. По-моему, телевидение рассчитано на любого зрителя. Если человек пришел в театр, это не значит, что он подготовлен. Так же и телезритель — может попасть на любой канал, на любую программу. Мне кажется, это сомнительное суждение, что канал «Культура» смотрят лишь определенные зрители. Я не думаю, что у каждого канала есть определенный зритель. Люди смотрят не каналы, а программы. Да, мы рассчитываем на зрителя чуть выше среднего уровня. Но телевидение и должно нести еще и образовательно-познавательную функцию. Рассчитывать на зрителя ниже среднего уровня, конечно, тоже можно, но тогда ты сильно ограничиваешь свою аудиторию. Вообще в наше время очень сложно высидеть у телеэкрана 30–40 минут. Многие пеняют на рекламу, а я считаю, что

присутствие рекламы — это огромный плюс. Зритель во время рекламной паузы хоть может отдохнуть от той программы, которую смотрит.

— Вы побывали во многих странах и вам есть с чем сравнить. Как вам российское телевидение? Уступает ли оно западным образчикам?

— Наше телевидение лучшее в мире! Я не знаю страну, где телевидение было бы столь разнообразно, столь интересно, многопланово, изобретательно, ярко. Да, многие передачи скопированы с Запада, но сделаны-то они лучше. Программу «Кто хочет стать миллионером?» на Западе невозможно смотреть — вопрос-ответ, вопрос-ответ. У нас она веселее, интереснее — не важно, что раньше ее делал Дибров, а сейчас Галкин. Западные зрители уже все надоело. Они пресыщены свободой, которая у них много лет. А здесь все разрешили сравнительно недавно, понятно, что энергии еще очень много. Приедешь в Германию — сонное царство какое-то. Их документальные программы не поднимаются выше уровня школьного учебника по нашим российским меркам, для них это может быть и хорошо. Наше поколение воспитано отличной советской школой, и нас не завлечешь телефильмом, сделанным на уровне школьной программы. Смотришь и думаешь: когда же все это кончится? Телевидение же вообще рассчитано на людей старше 25 лет. Я не верю, что люди в совсем юном возрасте сидят и конкретно смотрят телевизор. Что им смотреть в «ящик»? Они лучше пойдут в клубы развлекаться. У телевизора сидит более зрелая аудитория.

— Почему же тогда все говорят, что в российском телевидении наступил кризис, что оно не способно воплотить новые идеи, сплошные реалити-шоу?

— Я не вижу кризиса на телевидении. Ну и что, что на телевидении много разных игровых шоу? Запад уже переболел всяческими реалити. Мы тоже переболеем.

— Планируете ли вы внести свою лепту в развитие нашего телевидения и сделать какую-либо новую программу?

— Я никогда не загадываю. Есть некоторые задумки, но все это будет воплощаться не раньше сентября. Масса про-

блем, в основном, финансовых. Часто так бывает, что мы делаем в «Сферах» сюжет, а через некоторое время появляется документальный фильм на эту тему, который снимают совершенно другие люди. Я вообще не очень люблю большие формы. Разве интересно снимать фильм, например, про жизнь Сталина? Мне кажется, нужно немного подождать, слишком недавно все это было и всем слишком хорошо известно. Для меня подобные программы не раскрывают никаких особых тайн. Они снимаются даже не на потребу российских зрителей, а, как мне кажется, для продажи на зарубежные каналы. То же самое происходит с отечественными костюмны-

ми сериалами. Наша «Бедная Настя» вряд ли имела бы большой рейтинг по сравнению с теми же «Улицами разбитых фонарей».

— Однако же вы были автором и ведущим питерской телетрансляции захоронения останков Николая Второго и его семьи. А ведь о жизни и смерти последнего русского царя тоже много известно.

— Меня привлекло само событие. Мне предложили провести трансляцию для Пятого канала. И наша трансляция была ничуть не хуже, чем на НТВ и на «России». Многие говорили, что лучшим был именно наш петербургский вариант. А когда фильм называется «Неизвестные страницы из жизни Сталина» или

«Тайны советской разведки»... Да какие там тайны?! Такие фильмы появляются тогда, когда дали разрешение рассекретить определенные документы. И фильм делает именно тот человек, которому эти документы спустили. На Западе все иначе — там журналисты сами ищут подходы к секретным материалам. Для журналистского расследования должны быть особые возможности. В России такие изыскания достаточно затруднены. Журналисты практически не имеют доступа ни к каким реальным секретам или сенсациям. Я не беру, конечно, сенсации событийные. Кого-то решают допустить к информации, а кого-то нет.

— А вам, Иннокентий, интересно смотреть петербургское телевидение? Нас, москвичей, давно лишили такой возможности.

— Я считаю, что все лучшие питерские программы теперь идут в Москве — «Городок» Олейникова и Стоянова, например. Петербуржец Кирилл Набутов сейчас работает на НТВ. Хотя я сам из Санкт-Петербурга, но я не являюсь патриотом петербургского телевидения. Зачем бывшему Пятому каналу, а ныне ТРК «Петербург» иметь выход на всю страну? Вполне достаточно трех-четырех общенациональных каналов, разных те-